

А.С. Курилов

В.Г. БЕЛИНСКИЙ И СЕРВАНТЕС: ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ

Аннотация

В статье рассматриваются высказывания В.Г. Белинского о творчестве Сервантеса, анализируется сущность сервантесовского критерия в аксиологии русского критика.

Ключевые слова: именной критерий, В.Г. Белинский, Сервантес, аксиология, донкихотство.

Kurilov A.S. V.G. Belinsky and Cervantes: From the history of Russian axiology

Summary. The article deals with the reception of Cervantes by V.G. Belinsky and the place of Spanish writer in the Belinsky's axiology.

В системе оценок достоинств и недостатков литературно-художественных произведений самыми наглядными и доходчивыми являются именные критерии, когда творческие достижения одних писателей становятся своего рода мерилom ценностей, созданного другими¹. И уподобляя наших поэтов Шекспиру, Байрону, Вальтеру Скотту, Гёте, Шиллеру и др., мы, пишет Белинский, делаем это «только для показания силы или направления их талантов: но не их значения в глазах всего образованного мира»². С этой целью обращается он и к творчеству Сервантеса.

Впервые имя великого испанца встречается у Белинского в 1835 г. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», где критик выступает с теорией двух противоположных друг другу «способов», которыми поэзия «объемлет и воспроизводит явления жизни», в результате чего она разделилась «на идеальную и реальную» (I, 141). «Идеальная», оторванная от действительности, воз-

никает, полагает он, в античные времена; сближение с действительностью, будучи истоком «реальной», начинается в Средневековье, когда эпическая поэма превращается в роман. «Правда, – замечает Белинский, – этот роман был рыцарский, мечтательный, смесь бывалого с небывалым, возможного с невозможным, но уже и не поэма, и в нем зрели семена настоящего романа. Наконец, – заключает он, – в XVI веке совершилась окончательная реформа в искусстве: Сервантес убил своим несравненным Дон Кихотом ложно-идеальное направление поэзии, а Шекспир навсегда помирил и сочетал ее с действительной жизнью» (1, 144).

Обращаясь к Сервантесу как писателю, творчество которого стало вехой в художественном развитии человечества, Белинский обозначает и критерий «настоящего романа» – отражение реальной, а не «ложно-идеальной» жизни.

В июне 1838 г., приветствуя выход у нас нового издания «Дон Кихота», Белинский этот критерий распространяет уже на все искусство. «“Дон Кихотом”, – скажет он, – началась новая эра искусства, нашего, новейшего искусства» (2, 305).

В августе 1839 г., подчеркнув еще раз, что «наше новейшее искусство, начатое Шекспиром и Сервантесом, не есть ни классическое... ни романтическое» (2, 189–190), дает понять, что критерии классицизма и романтизма уже не являются мерой достоинств и недостатков литературных произведений.

Критерий «настоящего романа» еще не был собственно сервантесовским, а был, можно сказать, сервантесовско-шекспировским. Сущность сервантесовского критерия Белинский определит и сформулирует значительно позже и удостоит сравнением с Сервантесом лишь одного отечественного писателя, да и то только тогда, когда и его талант, и его направление четко обозначатся и именно в сервантесовском духе.

К определению содержания сервантесовского критерия Белинский придет по мере роста его внимания к сатире и юмору. А до того времени он будет активно использовать *донкихотовскую* составляющую этого критерия, которая у Белинского также сформировалась не сразу.

Поначалу, в январе 1835 г., донкихотство представляется ему в качестве показателя определенного типа бытового поведения, характерного для сюжетов («басни») «особенного рода рома-

нов», где «какой-нибудь чувствительный и великодушный шут, герой добродетели вроде Эраста Чертополохова (персонажа пародии на сентименталистов из повести П. Яковлева «Несчастье от слез и вздохов». – А. К.), ищет руки и сердца какой-нибудь Дульцинеи; им мешают, их разлучают какие-нибудь злодеи, какие-нибудь *изверги естества*, в лице корыстолюбивого опекуна или жестокосердных родителей; но наши герои не унывают, и после многих разлук, неудач и опасностей соединяются навеки и начинают жить да поживать да добра наживать» (I, 355–356).

Такое представление Белинского о сущности донкихотства, как злосключений влюбленных с хорошим в итоге концом, наводит на мысль о явно поверхностном знакомстве начинающего тогда критика с романом Сервантеса и его героями, хотя нельзя исключить и знакомства просто понаслышке.

В университете он слушает лекции лишь по греческой, латинской (римской), французской и немецкой литературам (9, 6). Интересы к испанской литературе ни в годы учебы, ни после он не проявляет. О существовании такой литературы молодой Белинский по-видимому даже не подозревал. Так, в «Литературных мечтаниях» он говорит только об английской, немецкой и французской литературах, и обращаясь по разному поводу к многочисленным европейским писателям, имя Сервантеса при этом ни разу не упоминает. Это потом он будет говорить о Сервантесе как великом писателе, ставя его в один ряд с Шекспиром, Гёте, Вальтером Скоттом, Байроном, а пока Белинский его не замечает...

Первые сведения о Сервантесе и его роли в истории европейского романа, что получили отражение в уже цитированной выше статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», Белинский по-видимому почерпнул из «Истории древней и новой литературы» Ф. Шлегеля, второе издание которой вышло у нас в 1834 г. и с которой он познакомился, как можно предположить, уже после публикации «Литературных мечтаний»³. В противном случае он непременно в обойме имен зарубежных писателей привел бы и имя великого испанского писателя.

Непосредственно к творчеству Сервантеса Белинский, очевидно, обратится только летом 1837 г., находясь на лечении в Пятигорске и обогащая свой художественный кругозор знакомством с произведениями отечественных и зарубежных писателей. Оттуда

28 июня он пишет М.А. Бакунину: «Читаю книги. Теперь оканчиваю Сервантесова “Дон Кихота”. Гениальное произведение!» (9, 43). До этого никаких косвенных, не говоря уже прямых, свидетельств о чтении романа Сервантеса ни в письмах Белинского, ни в его статьях и рецензиях нет.

Донкихотовским критерием Белинский начинает пользоваться с конца 1838 г., после выхода у нас летом того же года очередного перевода «Дон Кихота». Сравнив его с предыдущими и назвав новое издание романа «великолепным», он отметит, что это – «великое создание Сервантеса вполне достойное своей великой славы», что «“Дон Кихотом” началась новая эра искусства, нашего, новейшего искусства», так как «он нанес, – возвращается критик к уже сказанному им в статье “О русской повести и повестях г. Гоголя”, – решительный удар идеальному направлению романа и обратил его к действительности... все лица его романа – лица конкретные и типические. Он... живописал действительность...» (2, 305–306). Так, в аксиологии Белинского начинает формироваться сервантесовский критерий ценности художественных произведений, в основе которого лежало положение о верности действительности. Белинский не называет этот критерий по его первоисточнику – сервантесовским, как поступает, говоря о гомеровском, шекспировском, гётевском и других именных критериях, но как критерий верности жизни, действительности, он становится для него основным, определяющим ценность произведений современной русской и зарубежной литературы. А вот донкихотовский критерий он называет прямо донкихотовским, подчеркивая его первоисточник.

Но прежде чем «несравненный Дон Кихот» станет у Белинского одним из самых распространенных критериев и он будет активно уподоблять Дон Кихоту соответствующих литературных героев и отдельных писателей, ему самому пришлось испытать его на себе. В одном случае, отводя упрек в донкихотстве, в другом – в порядке самокритики.

Так, в ноябре 1835 г. «Северная пчела» причисляет Белинского к разряду «неизвестных рыцарей», что отрицают «существование русской литературы», которая, согласно «каталогу нашей книжной торговли», насчитывает «12 000 русских книг», и в то же время «рыцари» эти «между тем беспрестанно повторяют: “наша

словесность”, “нашей словесности”, “нашу словесность”». И обращается к этим «рыцарям» с вопросом: «Да о чем же вы кричите, господа! Неужто вы, по примеру знаменитого *Рыцаря печального образа*, нападаете на какого-нибудь великана-невидимку?» (I, 438–439).

«12 000 книг! В самом деле, убедительное доказательство!» – иронизирует Белинский и разясняет, что достоинство литературы определяется не количеством книг – даже «условно» и «безусловно» хороших, а содержанием, отражающим жизнь народа и общества, отсылает к сказанному им по этому поводу в «Литературных мечтаниях» и заявляет, что на русскую литературу, этого якобы «великана-невидимку», он не нападает, а просто отвергает ее в соответствии с «тем значением литературы», которое он ей дает, «а под всеми другими значениями вполне убежден в ее существовании» (I, 439).

К себе донкихотовский критерий Белинский применит в июне 1836 г., вспоминая о «Дмитрии Калининe», где он «со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, – как пишет родителям в феврале 1831 г., – со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость... в картине довольно живой и верной представил тиранства людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных. Герой моей драмы есть человек пылкий, со страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бешены – и следствием их была его гибель» (9, 22).

Тогда он надеялся, что ее публикация «разойдется», доставит ему «немалые выгоды» и «на вырученную сумму» он сможет «откупиться» от «казенного кошта», «жить на квартире и хорошенько окопироваться» (9, 23). В этом, несомненно, было что-то донкихотовское и чего начинающий автор еще не сознает, а потому все его «блестящие мечты, – как он подытожит в том же письме, – обратились в противную действительность, горькую и бедственную» (9, 23).

Теперь, спустя пять лет, рецензируя «книжечку» с незатейливым заглавием «Ночь. Сочинение С. Темного», он иронизирует над такого рода «надеждами» и «мечтами», которые начинающие авторы, как правило, связывают со своим первым выступлением в печати. «“Ночь”, – пишет Белинский, – есть произведение моло-

дого человека с душою, с пылом, но еще не созревшего для мысли... а уже сгорающего желанием написать и издать в свет что-нибудь, непременно написать и издать. Опасное желание, которое губит истинный талант (не говоря уже о тех, кто «ошибается насчет своего таланта». – А. К.), вымучивая из него насильственные и недозрелые создания», готовя себе раскаяния в будущем...

Белинский сознает, что когда-то и он был именно таким «молодым человеком с душою, с пылом», «сгорая желанием написать и издать» своего «Дмитрия Калинина», а потому с полным на то правом заявляет: «Мы говорим» о таких авторах «от чистого сердца, говорим даже по собственному опыту, потому что имеет причины благодарить обстоятельства, которые помешали нам приобрести жалкую эфемерную известность мнимыми произведениями искусства и занять место в забавном ряду литературных рыцарей печального образа» (I, 507). Здесь донкихотовский критерий использован Белинским в значении неразумного, неосмысленного до конца поведения молодых людей, в том числе когда-то и его, что, возомнив себя писателями, с рвением, достойным лучшего применения, занимаются, подобно Дон Кихоту, не своим делом, лишь увеличивая число «дурных книг»...

В качестве элемента самокритики Белинский и в дальнейшем неоднократно прибегает к донкихотовскому критерию.

Апрель 1841 г. Письмо к Н.А. Бакунину: Жизнь «для меня... никогда не была добра, и я бескорыстно курил ей фимиам, как Дон Кихот своей Дульцинее» (9, 458).

Декабрь того же года, тому же адресату: «Я не верю моим убеждениям и неспособен изменить им: я смешнее Дон Кихота: тот, по крайней мере, от души верил, что он рыцарь, что он сражается с великанами, а не мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея – красавица; а я знаю, что я не рыцарь, а сумасшедший – и все-таки рыцарствую; что я сражаюсь с мельницами – и все-таки сражаюсь; что Дульцинея моя (*жизнь*) безобразна и гнусна, а все-таки люблю ее, назло здравому смыслу и очевидно-сти» (9, 489).

Июль 1843 г. Письмо А.А. Краевскому: «Недавно получил я предложение от одного богатого и притом очень порядочного человека... чтобы я поехал с ним на два года за границу, в его экипаже, и взял от него шесть тысяч за эти два года... Этот случай

послан мне судьбою в насмешку надо мною – видит око, да зуб неймет; хороша клубничка, да жена сторожит. А жена эта – старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словом, расейская литература, черт бы ее съел, да и подавился бы ею. Другой бы на моем месте, чтоб только от нее убежать, бросился бы хоть в киргизские степи; а я Дон Кихот нравственный, отказываюсь от поездки в Италию Францию, Германию, Голландию, на Рейн и пр., отказываюсь от чудес природы, искусства, цивилизации, от здоровья и, может быть, еще чего-нибудь большего. Такова уж моя натура» (9, 580).

Пользуется он донкихотовским критерием и по отношению к друзьям. Так, в одном из писем В.П. Боткину, он упрекает его за то, что тот ратует «за наш век», полный «дыма и фантазий», с «донкихотовым задором» (9, 399).

Для Белинского Дон Кихот – «благородный и умный человек, который весь, со всем жаром энергической души, предался любимой идее... Дон Кихот глубоко понимает требования истинного рыцарства, рассуждает о нем справедливо и поэтически, а действует, в качестве рыцаря, нелепо и глупо... Каждый человек, – полагает он, – есть немножечко Дон Кихот; но более всего бывают донкихотами люди с пламенным воображением, любящею душою, благородным сердцем, даже с сильною волею и умом, но без рассудка и такта действительности... истинных донкихотов можно найти только между недюжинными людьми». И далее: Дон Кихот – это «человек, который искренне убежден в том, чему уже никто не верит, и который жертвует трудом, достоянием, спокойствием и здоровьем для убеждения других в своем убеждении...» (4, 364)⁴.

Донкихотовский критерий – это критерий поведения в самых разных жизненных ситуациях и условиях, в быту, обществе, сферах деятельности. Белинский неоднократно обращался к образу Дон Кихота, каждый раз под разными углами зрения, определяя его черты, тем самым уточняя основные параметры донкихотовского критерия.

Он уподобляет себя Дон Кихоту, потому что одержим одной «любимой идеей» – дать «дельное направление» отечественной словесности, повернуть наших писателей лицом к окружающей их российской действительности и положить начало созданию собственно русской во всех отношениях литературы и по форме, и по содержанию. И «рыцарствует» – целеустремленно, деятельно,

самоотверженно, ведя борьбу за претворение этой идеи в жизнь. И «сражается с мельницами» – изделиями «досужей бездарности», посредственности, невежества, шарлатанства, барышничества, представлявшими современную ему «расейскую литературу» (1, 125, 310–311).

Он называет себя «нравственным» Дон Кихотом потому, что, возложив на себя моральную обязанность, невзирая ни на какие трудности, опасности и лишения, идти последовательно к одной цели – содействовать возникновению у нас самобытной, неподражаемой, оригинальной, достойной Отечества литературы, где подлинно русскими, национальными, как считал, были только четыре писателя – Державин, Пушкин, Крылов и Грибоедов, он не может даже на миг изменить этой обязанности, пойти на сделку с самим собой, со своей «рыцарской» совестью ради знакомства с «чудесами природы, искусства, цивилизации», и поступает «нелепо и глупо», отказываясь от такой возможности, жертвуя при этом многим, и прежде всего здоровьем, во имя «любимой идеи»...

Параметры донкихотовского критерия, черты поведения, отвечающие представлению Белинского о донкихотстве, постоянно расширяются и обогащаются.

Так, поначалу «своего рода донкихотством» он будет считать «идеальную любовь», которая напоминает ему «палочку, на которой ездят верхом школьники, воображая, что они скачут на богатырском коне» (2, 364), а также бессмысленное, случайное, неразумное и нелогичное поведение (2, 453–456). Подобно Дон Кихоту «смешон и жалок» тот, полагает Белинский, «кто смотрит на всё глазами чувства и энтузиазма, кто из какой-нибудь толстой коровницы готов сделать для себя Дульцинею, кто во всем простом, повседневном видит прозу жизни, которою оскорбляется как святотатством» (2, 490–491). К «Дон Кихотам современного общества» он будет относить вообще всех искателей сильных ощущений» (2, 505). И т.д.

Самое развернутое определение донкихотства и «донкихотского поприща», которое обычно начинается с *очарования*, увлечения какой-то идеей-мечтой и всегда оканчивается *разочарованием*, осознанием ее пустоты, Белинский дает в марте 1845 г. в статье о «Гарантасе» В.А. Соллогуба. В сущности донкихотство, как уже отметили исследователи, будет для Белинского «по преимуществу

воплощением отрыва от действительности и отставания от хода жизни»⁵.

Донкихотовским критерием Белинский пользуется в основном для характеристики поведения литературных героев и лишь дважды – творчества отечественных писателей: молодого, еще «неизвестного» С. Тёмного, о чем уже говорилось выше, и широко известного С.П. Шевырёва, который, как заметит Белинский, ведет себя по-донкихотовски: «выдумывает неправду» и «создает... призраки, чтобы было ему над кем показать свою храбрость, достойную манчского витязя...» (5, 472).

Одним из первых литературных героев, что прошел у Белинского проверку донкихотовским критерием, был Чацкий. «Это, – скажет критик, – просто крикун, фразер, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит», – т.е. «действует нелепо и глупо». «Неужели, – продолжает Белинский, – войти в общество и начать всех ругать в глаза дураками и скотами – значит быть глубоким человеком? Что бы вы сказали о человеке, который, войдя в кабак, стал бы с одушевлением и жаром доказывать пьяным мужикам, что есть наслаждение выше вина – есть слава, любовь, наука, поэзия, Шиллер и Жан-Поль Рихтер?..» – И заключает: «Это новый Дон Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади...» (2, 238), уравнивая поведение «глубокого человека» и обыкновенного школьника...

В феврале 1845 г. Белинский скажет, что Дон Кихоты – это вообще люди, оторванные от действительности, которые о жизни судят по книгам и ведут себя в соответствии с ее книжным – «идеально-поэтическим» – изображением. «...Не книга ли, – пишет он, – заставила доброго, благородного и умного помещика манчского сделаться рыцарем Дон Кихотом, надеть бумажную кольчугу, взобраться на тощего Россинанта и пуститься отыскивать по свету прекрасную Дульцинею, мимоходом сражаясь с баранами и мельницами?» (6, 412). И тут же переносит этот критерий на отечественную действительность.

«Между поколениями от двадцатых годов до настоящей минуты, – заметит Белинский, – сколько было у нас разных Дон Кихотов», которые выросли на «книжном направлении» в восприятии жизни, подобно Дон Кихоту, что в свое время «помешался» на чтении рыцарских романов? (6, 537). «У нас были и есть Дон

Кихоты любви, науки, литературы, убеждений, славянофильства и еще бог знает чего, всего не перечесать!» (6, 412). И ни одного примера такого рода Дон Кихотов. Лишь два года спустя он скажет, почему славянофилов он считает донкихотами...

Достаточно часто пользуясь донкихотовским критерием, собственно к сервантесовскому критерию Белинский прибегает только дважды и оба раза касаясь творчества Н.В. Гоголя.

Первый раз в октябре 1842 г., когда пенял К.С. Аксакову, что тот, в пылу своего увлечения «Мертвыми душами», уравнивал их автора «по акту творчества» только с Гомером и Шекспиром, отодвинув при этом как бы на второй план всех других великих европейских писателей, в том числе и Сервантеса. Приложив к творчеству Гоголя критерий мирового значения, Белинский заметил, что в то время как Сервантес в ряду других великих европейцев «имеет несравненно и неизмеримо высшее значение во всемирно-исторической литературы, чем Гоголь», наш писатель «при всей неотъемлемой великости его таланта, не имеет решительно никакого значения во всемирно-исторической литературе, и велик только в одной русской...» (5, 150, 151).

Здесь сервантесовский критерий Белинский применяет к творчеству Гоголя не прямо, а косвенно, в качестве одного из показателей мирового значения писателей, прямо – он применит его в октябре 1847 г., полемизируя с Ю.Ф. Самариным относительно направления и сущности таланта Гоголя.

Самарин, пишет Белинский, «слишком увлекся мнением Пушкина о Гоголе», что «еще ни у одного писателя», кроме Гоголя, «не было... дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем». Приведя слова Пушкина в «Выбранных местах из переписки с друзьями», Гоголь тут же с ними согласился, считая, что это его «главное свойство», которое принадлежит только ему и «которого точно нет у других писателей».

Да, замечает Белинский, «Ревизор» и «Мертвые души» наглядное свидетельство того, что Гоголь «является великим живописцем пошлости жизни». Но это не вся правда о Гоголе. Он написал и «Тараса Бульбу», «поэму, герой и второстепенные действующие лица которой – характеры высоко трагические». Но

«если в “Тарасе Бульбе”, – продолжает Белинский, – Гоголь умел в трагическом открыть комическое, то в “Старосветских помещиках” и “Шинели” он умел уже не в комизме, а в положительной пошлости жизни найти трагическое. Вот где, нам кажется, должно искать существенной особенности таланта Гоголя». И здесь он уже непосредственно обращается к сервантесовскому критерию. «Из всех известных произведений европейской литературы, – подчеркнет Белинский, – пример подобного, и то не вполне, слияния серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в нем великого и прекрасного, представляет только “Дон Кихот” Сервантеса» (8, 311, 312).

-
- ¹ См.: *Курилов А.С.* Гомеровский критерий в системе оценок А.С. Пушкина В.Г. Белинским // *Пушкин и Античность.* – М., 2001. – С. 63–90; *Он же.* Шекспировский критерий оценки А.С. Пушкина В.Г. Белинским // *Литературоведческий журнал.* № 36. – М., 2014. – С. 142–154; *Он же.* Гётевский критерий оценки А.С. Пушкина В.Г. Белинским // *Гёте: Личность и культура.* – М., 2004. – С. 77–94; *Он же.* В.Г. Белинский и Генрих Гейне: Из истории отечественной аксиологии // *Немецкоязычная литература: Единство в многообразии.* – М., 2010. – С. 39–42.
 - ² *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. – М., 1982. – С. 44. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома (курсивом) и страницы.
 - ³ См.: *Шлегель Ф.* История древней и новой литературы. – М., 1834. Лекции 11–13. Это издание имеется в библиотеке Белинского. См.: *Ланский Л.* Описание книг библиотеки Белинского // *Литературное наследство.* Т. 55. В.Г. Белинский. – М., 1948. – С. 512–513.
 - ⁴ Об этом см. также: *Григорьев А.Л.* Дон Кихот в русской литературно-публицистической традиции; *Мордовченко Н.И.* «Дон Кихот» в оценке Белинского // *Сервантес: Статьи и материалы.* – Л., 1948.
 - ⁵ *Григорьев А.Л.* Дон Кихот в русской литературно-публицистической традиции. С. 16–17; См. также: *Сорокин Ю.С.* Примечания // *Белинский В.Г.* Собр. соч. Т. 7. – С. 712.